

Фото Ирины Ермолаевой

Алексей Дьячков

Лучшая доля

Вспоминаю первое впечатление от поэзии Алексея Дьячкова. Оно примерно такое: я словно бы всё забыл — вырос-возрос, вошёл во взрослую жизнь с её заботами и трудами, расписаниями работ и подработок, и — почти сознательно — задвинул куда-то своё драгоценное прошлое, чтобы не отвлекало меня от буден, не смущало, не бередило.

Отложил в уголок, поставил на полку — до непонятных мне самому «лучших времён».

И, оказалось, совершил что-то вроде предательства. Потому что в этом прошлом притаились зачатки самого светлого и дорогого, что обеспечивало моё сегодняшнее существование. Именно там, в этом прошлом, которое, на самом-то деле, не прошлое, но — настоящее, — и хранится золотое моё время, мои главные уроки любви, моё незамутнённое последующей жизнью зрение, мудрый наив судьбы.

И вдруг эти стихи. Словно достали с антресолей мои детские рисунки. И показали мне — взрослому: начитанному и нахватанному.

Какой-то забытый сон, где все «по правде», где была глубина.

С тех пор, как я готовил для февральского — 2009 года — номера «Нового мира» первую для журнала подборку Дьячкова — «Нечаянная речь» — прошло восемь лет. Тогда у него ещё не было книг, а ныне их три: «Райцентр», «Государыня рыбка» и «Игра воды». Поколенчески сопредельные критики и поэты пишут о его стихах с благодарным удивлением, отмечая обманчиво-простую форму его письма, доверчивую бережливость тона, смелую кинематографичность взгляда — одновременно стремительную и неспешную. И — удивительный свет, одухотворяющий наше время и безвременье.

Мы, кстати, никогда не встречались: редкая переписка, разговоры по телефону. «Что в круге твоего чтения?» «...Нравилось разное. Сейчас на полке — Заболоцкий, Батюшков, Тютчев...»

В городе Туле о том, что рядом живёт такой поэт, Алексей Дьячков («в гражданской жизни» он — профессиональный строитель, на площадке отвечает за всё) — почти никто не знает. А он и не стремится, чтоб знали. Говорит очень просто: «...Оно все-таки — сокровенное». ♣

Павел Крючков,

заместитель главного редактора журнала «Новый мир»

Рисунок **Ксении Наумовой**

Мне в лавке молча молока нальют.
Я выйду, сяду на порог разбитый.
Коза, мотая выменем, обиду
Не скроет — песнь промекает свою.

Кивнёт на пыльной улице мясник.
Не спрячет куклу девочка босая.
Прошепчет ветер мне, листву листая,
Свой заговор, чтоб я к стволу приник.

Я сам могу под вечер на заре,
Чертя прутком след голубиной лапки,
Об алых львах рассказывать крылатых,
И о Царе, прибывшем на осле.

Пусть в правде усомнятся друг и брат,
Мне детвора и рыбаки поверят,
Когда в мой дом прохожий, скрипнув дверью,
Войдёт и кров попросит до утра.

Узловая

Слово Господи молвит по рации,
И послышится мне в тот же миг
Металлический гул, звуки станции,
Проводницы отчаянный крик.

И во тьме с нарастающим грохотом
Перед долгим затишьем пройдут
Все, что было мне близко и дорого —
Дымный тамбур, купейный уют.

И окно с белой шторкой на тоненькой
Бечеве, и прервавший свой сон —
В ночь уткнувшийся мальчик, ладонями
Заслонивший от бликов лицо.

Странный мир, в темноте утопающий. —
Он увидит и степи, и гать,
И леса, и озера, и кладбища —
Все что можно во тьме угадать.

Приспособив к ночи свое зрение,
Он узнает родные места,
С неподвижным пейзажем с селением
Совпадая чертами лица.

Первая молитва

Стопкой сложены книги на лавочке.
Глеб с веранды играет отбой.
Но висит из второго товарищ на
Перекладине вниз головой.

Он глядит, как с пожарными вёдрами
На костер налетела толпа.
Чёрный лес, как в пруду, перевернутый
На лиловые тучи упал.

Станный мир с незнакомыми лицами.
Шорох в небе, огонь, кутерьма.
Твердь расплывчатую и землистую
Прячет от близорукости тьма.

Как от зарева звёздные прёсыпи,
От меня отделяется часть.
Я твержу: Не оставь меня, Господи,
И в последнюю ночь, в тихий час.

Родина

Ни любви не осталось, ни милости.
Склон подтаявший вновь подморозило.
И давно уже осень не снилась нам
С лесом тихим и розовым озером.

Небо держится — сердце не ёкает.
И всю ночь по углам на окраинах
С головою под маминым стёганым
Одеялом лежим без дыхания.

Поцелуи, записки, объятия,
Шорох пены, шуршание гравия.
Вспоминаем зарубки и вмятины
И друзей своих по фотографиям.

На талоны как жили и карточки,
Как плясали, как пили и падали.
Как на сходах мы ставили галочки
За Варраву во славу Пилатову.

Радость всю разделили по-братски мы.
В одиночестве боль — доля лучшая.
Надо каяться, а не оправдываться,
Пережив всё, что Богом отпущено.

Апостол Пётр

А сторожа дедушка вынь да положь!
Алёш! — ходит по двору. — Где ты, Алёш?
Известкой ствол яблони мажет.
Заката в калитке встаёт полоса.
Сдвигает фуражку старик на глаза
И вслед уходящему машет.

Ни заросли хмеля, репья, лебеды,
Ни дом, ни качели уже не видны,
Ни вишня, ни грядки картошки.
И дед не уходит, всё машет внучку,
Сливаясь с листвою, погружаясь во тьму,
Всё машет широкой ладошкой.

Томят меня осени тихая грусть
И сырость. Я знаю, я скоро проснусь,
На грудь потяну одеяло.
На бок повернусь, но не скрипнет кровать,
И буду лежать и глаз не открывать,
Дышать чабрецом и тимьяном.

Встаёт то стеной, то обрывом земля.
Враскачку относит течение меня,
И плеском баюкает осень.
Молитву творят на холме горячо...
Не слышно мне слов, но я знаю, о чём
Мой дед Богородицу просит.

